

Смерть и жизнь – это неизбежная судьба. Они так же естественны, как естественна постоянная смена ночи и дня. Чжуан-цзы

Только слова мальчика успели раствориться в комнате, как тяжелое дыхание лекаря оборвалось, сменившись оглушительной тишиной. Мо Юй застыл. В его груди, кажется, в этот момент собственное сердце остановилось, тоже биться прекратилось. Ребенок задышал часто, громко, прерывисто вбирая воздух, будто впервые, и так, словно его не хватало. Тело отца, лежащее на кровати, расплывалось от застеливших глаза хрустальных слез.

Было ли это последним проявлением милосердия небес, прекративших страдания несчастного, или жестокой карой, обрушившейся на юную душу за содеянное отцом – прийти к единому ответу было невозможно. На все воля богов, как любил когда-то говорить простой люд.

Маленькая ручка, вцепившаяся в складки изумрудной ткани, сжалась с новой силой. В этот полный боли миг израненная душа Янь Шэнли отозвалась, напоминая о собственных заглубивших шрамах. Ему стало до дурноты паршиво. Этот ребенок, сам того не ведая, вновь и вновь касался самых потаённых ран, которые парень старался игнорировать из года в год.

Время лечит? Что за чушь. Оно лишь сильнее давит на незаживающие раны, ковыряет их, чтобы больнее было, отравляет медленным ядом, на который во веки веков не найдется антидота.

И тихо закликает: «Терпи, помни, умирай, но с восходом солнца сотри соль вчерашних слез, вдохни поглубже и вновь притворись живым.»

Он как никто другой знал, что, должно быть, сейчас испытывал ребенок, потерявший любимого родителя. Когда Янь Шэнли остался совсем один, когда понял, что больше не услышит ругань отца за неправильное произношение слов, что больше не почувствует отцовские теплые руки на своих щеках, что больше никто не поцелует его в макушку перед сном и не приготовит длинную лапшу на день рождения, его собственный мир разбился на мелкие осколки, которые нельзя было склеить даже жидким золотом. У него словно землю из-под ног выбили, толкнули в самую бездну, и темнота, имеющая собственный пищевод, пожирала последнее тепло от воспоминаний. Реальность, которая до этого была надежной, прочной и понятной, где папа – величественная гора, которая бы спрятала от любой бури, внезапно разрушилась. Осталась лишь пустота, пугающая и равнодушная, как на самой высокой горной вершине, где внизу мгlistый туман, а вверху усталое небо.

Не было даже похорон. Тело просто-напросто не нашли, только обувь да куртку со свернутым в несколько раз листиком в кармане:

«Дорогой сын, жизнь здесь оказалась сложнее, чем я думал. Всякая стойкость имеет предел – вот и моя нашла свой. Не оплакивай мой уход сильно, ведь осенний лист не спорит с ветром, он находит спокойствие в его порыве. Не вини себя. Взросление – это умение отпускать то, что не можешь удержать. Храни в своем сердце не боль утраты, а свет наших дней, проведенных вместе. Пусть он станет твоим ориентиром в темные времена. Мое последнее напутствие тебе:

никогда не изменяй себе. Самая страшная смерть приходит от увядающей души при живом сердце. Держи его открытым, а характер – несгибаемым. Мир любит ломать тех, кто не сопротивляется.

Я всегда с тобой. В тёплом ветре, в шёпote листвы, в первом снеге. И помни: даже ночь никогда не бывает по-настоящему темной, ее всегда освещает лунный свет.

Будь сильным. Будь собой.»

Хоть его после и забрали к себе ближайшиe родственники, он хорошо помнил, как по ночам все равно бился в истериках, закрывая рот руками, и подавлял очередной громкий всхлип, чтобы волком от отчаянья не завывать. В кромешной тьме набатом стучала мысль: «не вини себя, не вини себя, не вини себя», но как можно не винить себя? Тогда почему, почему его папа поступил так? Почему решился на такой шаг, совсем не подумав о своем маленьком сыне?! Это из-за него, точно из-за него! Иначе как по-другому объяснить этот поступок? Может быть, он был недостаточно хорош? Может, он чем-то расстроил отца?

Янь Шэнли в тот момент перебирал в памяти все свои мелкие провинности, превращая их в причины страшной катастрофы. И это так сильно укоренилось в сознании, что со временем всю ответственность и вину за этот рок судьбы он взвалил на себя.

А потом, когда боль в груди поутихла...

...в его жизни образовалась зияющая дыра, сквозь которую задувало зябким ветром одиночества.

Тишина стала громче криков. Биение сердца превратилось в песнь одинокого колокола в храме души.

Взгляд ребенка застыл на неподвижной груди отца, ожидая привычного ритма дыхания. Да, тяжелого. Да, с хрипом, но все еще дыхания, но даже спустя пару минут оно не возобновилось, а грудная клетка так и осталась в своей мертвенной статичности. Мо Юй вздрогнул, когда на его макушку опустилась чья-то рука. Прикосновение было поразительно нежным, с какой-то братской любовью, словно старались сгладить сердечные муки. С большим трудом ребенок оторвал взгляд от тела и перевел его на того, кто пытался его утешить. И в отраженной янтаре тоске Мо Юй увидел собственную боль. Этот человек смотрел на Мо Юя так, словно чувствовал все то, что сейчас разрывало его, будто длинные колья этой боли вонзились одновременно в них обоих.

[Голосовой помощник]: — Обнаружен эмоциональный резонанс с субъектом «Мо Юй». Уровень эмпатии: повышенный. Внимание: подобные связи могут осложнить выполнение основной задачи. Рекомендуется дистанцироваться.

Пламя свечи, стоявшей на небольшом прикроватном столике, колыхнулось, когда Лао Гун по

знаку Ши Мэнъяо потянулся, чтобы проверить пульс на шее мужчины. Под подушечками его пальцев больше не ощущалось ни малейшего трепета жизни, только постепенно остывающая кожа. Подросток медленно опустил руку. Даже его высокомерие в этой угнетенной смертью и разрушенным будущим обстановке дало трещину.

Его надменное выражение сменилось растерянностью.

— Мертв, - тихо констатировал он.

Адепт обернулся. Его взгляд упал на мальчика, что пытался изо всех сил не смотреть на лекаря, вместо этого утыкаясь носом в грудь Люй Сюина. Мелкая, неконтролируемая дрожь была по телу Мо Юя, и чем сильнее он пытался ее сдержать, тем отчаяннее она становилась.

— Поплачь, если тебе хочется. Не сдерживай свои слезы, - почти на ухо прошептал Янь Шэнли.

И мальчик зарыдал. Завыл, громко-громко прижался к парню, а тот, в свою очередь, обнял его, поглаживая и слегка похлопывая дрожащую спину. Он видел самого себя много лет назад - того, кто в одночасье стал взрослым, потому что больше некому было заботиться о нем. Того, кто научился скрывать слезы за улыбкой и прятать страх за показательной дерзостью. Того, чье сердце навсегда осталось разбитым, даже если с годами осколки перетерлись друг об друга, перестав так сильно резать изнутри.

Янь Шэнли смотрел на Мо Юя и думал: как он теперь его оставит? Разве в этом доме, в котором умер самый близкий человек, можно было оставаться?

— Мой папа... мой папа не заслужил этого... - всхлипнул Мо Юй прямо в одежду Янь Шэнли.

Для своих детей родители всегда оставались родителями, как и для родителей дети всегда будут детьми.

[Голосовой помощник]: — Предупреждение проигнорировано. Уровень эмоциональной вовлечённости продолжает расти. Шансы на выживание снижены на двадцать три процента. Продолжайте на свой страх и риск.

Но Янь Шэнли не отстранился. Напротив, его объятия стали только крепче, пропуская и принимая в себя всю чужую боль, всю горечь и отчаяние. Он молча сносил и слезы, и размазанные по ткани сопли, разрешая мальчишке выплеснуть все, что отягощало его душу.

«Всё равно это одежда Лао Гуна», - промелькнула в голове бессовестная мысль, когда мальчик вытер о светлый шелк свой нос, — «уж не мне её потом отстирывать.»

[Голосовой помощник]: — Прагматичная мысль. Однако эмоциональная вовлеченность

продолжает расти. Шансы на выживание снижены на сорок процентов.

Лао Гун, наблюдавший за этой сценой, пришел в себя в тот же миг, брезгливо скривившись:

— Эй! Что это ты там только что сделал, мелкий паршивец?! - крикнул он, с отвращением глядя на влажное пятно от слез. — Это же шёлк с гор Цзиньлинь, он стоит, как две кобылы! А ты... ты...

Его голос дрогнул от невыразимой обиды. Он сжал губы, мечтая вырвать одеяние из объятий несносного дуэта.

— Они шились специально по моему размеру... - прошептал Лао Гун с болью в голосе, бессильно опуская руки. — Пятнадцать дней и ночей мастерица вышивала узор белой змеи на рукаве, а теперя покровительница Бэйшу измазана в.. в...

Он замолк, не в силах вымолвить слово «сопли», лишь со злостью и ужасом глядя на белоснежно-изумрудную ткань, испорченную за миг детским горем. Но Янь Шэнли было плевать: хоть трава не расти, ему-то что? Парень прикрыл рукой затылок содрогающегося, бросив на подростка предостерегающий взгляд:

— С твоими пятнадцатью днями и ночами вышивки ничего не случится, постираешь, да и будешь носить, - голос Янь Шэнли прозвучал на удивление спокойно. — А вот душу ребенка в реке не постирать.

[Голосовой помощник]: — Уровень стресса у фигуры «Лао Гун» достиг критической отметки. Дорогой пользователь, поздравляю! Скоро фигура «Лао Гун», станет вашим первым врагом!

[Начислено: +50 баллов. Текущий баланс: 250 баллов]

В сознании Янь Шэнли разнесся неожиданный звук хлопнушек, за которым последовали миниатюрные фейерверки, рассыпаясь искрящимися блестками в радостное: «Поздравляем с первым врагом!». Закатив глаза из-за нелепой анимации системы, Янь Шэнли не успел и рта раскрыть, как Лао Гун побагровел от ярости. А увидев насмешливую улыбочку на лице Люй Сюина, его гнев и вовсе прорвался, подобно своенравной Хуанхэ¹.

¹Река, что одновременно зовется «матерью всех рек» и «великим горем Китая». В 1931 году она унесла жизни более четырех миллионов китайцев..

— Ты... ты! - выдохнул он так яростно, что пламя свечи поблизости затрепетало и чуть не погасло. — Ты, демоническая погань, что вообще можешь знать об обращении с благородным шёлком? Ты должен до скончания своих дней благодарить шифу за то, что он позволил тебе прикоснуться к этим одеждам!

Даже Вэнлин на поясе качнулась, словно пытаюсь утихомирить пыл своего хозяина.

— Эти одеяния были подарены мне шифу, когда я впервые призвал Вэнлин на Юйлунци, – голос Лао Гуна дрожал от негодования. — Так что закрой свой рот, пока я не отрезал твой язык! И вообще, кто знает, может этот паршивец тоже болен, и теперь вся эта мерзкая зараза на моей бесценной ткани!

²Переводится как пристанище нефритового дракона. В Китае действительно существует горный массив с похожим названием Юйлунсюэшань. Расположен он на территории Юйлун-Насийского автономного уезда городского округа Лицзян, провинции Юньнань на юго-западе Китая. Высота составляет до 5596 м. Горный хребет составляет 13 величественных пиков, покрытых вечными снегами,

[Голосовой помощник]: — Дорогой пользователь, система зафиксировала эмоциональный всплеск. Рекомендуется привести разум в порядок. Напоминаю: ваши боевые навыки равны нулю. Вероятность физического конфликта с фигурой «Лао Гун» составляет семьдесят три процента.

Подросток тыкал пальцем в сторону Мо Юя, чтобы все точно поняли, о-ком-идет-речь. Ребенок вздрогнул. Беззвучные слезы продолжали катиться по его бледным щекам, оставляя мокрые дорожки на ткани одеяний Янь Шэнли. Мальчик только сильнее вжался, пытаюсь спрятаться, найти защиту в этом, вроде бы, чужом человеке.

— Болен? Зараза? – Янь Шэнли ощутил дрожь в руках – то ли она принадлежала ребенку, то ли дрожал он сам от сдерживаемой жгучей злости, которая в скором времени все-таки нашла выход: — Да ты сам – ходячая зараза! Как тебя земля-мать носит, не понимаю. В свои пятнадцать лет в тебе нет ни капли сострадания. Будь я твоим наставником, розги стали бы тебе вторыми родичами! Или, может, тебе впрямь стоит на собственной шкуре всё это прочувствовать? Коль уж в вашем ордене не способны ничему путному научить, от всей души желаю, чтобы жизнь взялась за твое воспитание!

[Голосовой помощник]: — Произошло оскорбление уязвимого NPC. Получено скрытое достижение «Защитник слабых». Шанс стать целью мести Лао Гуна увеличен на тридцать процентов.

[Начислено: +100 баллов. Текущий баланс: 350 баллов]

[Голосовой помощник]: — Дорогой пользователь, система вам советует тщательнее выбирать слова. Им свойственно обретать вес и сбываться.

Парень, сам того не желая, бросил камень в огород Ши Мэньяо, что у того аж брови вверх поползли. Слова Люй Сюина стали тем последним гвоздем, что наглухо забили крышку гроба его терпения. Ему следовало вмешаться раньше, пока эта бессмысленная перепалка не превратилась в нелепое базарное побоище.

— Довольно.

Не повышая голоса, четко скомандовал мужчина, заставив воздух в комнате сгуститься одним лишь словом. Взгляд, полный немого укора, скользнул со свирепого Лао Гуна на взъерошенного Люй Сюина, прижимающего к груди дрожащего от страха и утраты Мо Юя. В висках отдавалась тупая пульсация, что была не столь от шума, сколько от вопиющей бестолковости происходящего.

— Вы оба ведёте себя, как простолюдины на городском рынке, - он устало покачал головой, отстукивая размеренный, глухой ритм сложенным веером по ладони. — Лао Гун, сколько раз я тебе повторял, что твоя вспыльчивость может погубить все твои благие заслуги, на которые ты потратил годы, культивируя добросердечие и дружелюбие. Ты должен быть, как...

— ...как вода, - тихо, почти выдохом закончил за него адепт, повторяя облюбленную фразу шифу. — Спокойная, текучая, не вступающая в борьбу, а обтекающая препятствия. Я помню.

Ши Мэньяо на мгновение замер, его веер застыл в воздухе.

— Помнишь, - повторил он без интонации, — но помнить и следовать - вещи разные. Вода, что вспенивается от каждого камня, остаётся лишь пеной. А пена, сколь бы яростной она ни была, исчезает бесследно.

Лао Гун бессильно слонил голову. Ему просто-напросто нечем было отбиваться от наставлений учителя. Ши Мэньяо перевел взгляд на Люй Сюина, и в сапфирах застыло усталое разочарование.

— Что до тебя... твоё пробудившееся благородство, несомненно, тешит слух, но твоё добродетель в этот миг была без надобности. Не говоря уже о твоей внезапной и неуместной склонности к наставничеству, - в голосе Ши Мэньяо впервые прозвучала обида. Слова Люй Сюина больно задели его достоинство как наставника, — ...которая ставит под сомнения мой авторитет и методы. Душа Мо Хаожаня ещё не успела отойти от тела, а вы уже оскверняете его покой своей суетой.

Веер в его руке с тихим щелчком коснулся ладони, ставя точку в разговоре.

— Позор.

Янь Шэнли медленно выдохнул, чувствуя, как в груди неприятно ныло чувство вины. Да, его слова были и правда резки, и теперь он сожалел о своей вспыльчивости. Но разве возмутительное поведение адепта не заслуживало хоть какого-нибудь осуждения? Почему заклинатель вообще позволил своему ученику такие выходки? Если бы оскорбления касались только его самого, Янь Шэнли возможно и проглотил бы обиду - что с него взять, с временного гостя в этом теле? Он бы надел на себя любую маску, стерпел бы, наверное, любую обиду, только бы спасти собственную шкуру. Как говорится, лишь бы ребенок не плакал, во что бы ни

играл - все сойдет. Но Мо Юй... он просто не мог позволить, чтобы осиротевшего мальчика обижали в его присутствии!

Ши Мэнъяо более не удостоил виновников перепалки ни словом, ни взглядом. С холодным достоинством он прошел мимо сидящего на полу Люй Сюина, остановившись перед Лао Гуном. Адепт, не поднимая глаз, поспешно отступил в сторону, освобождая подход к ложу. Заклинатель слегка склонился над телом Мо Хаожаня.

Изучив черты умершего, он плавным движением провел ладонью по бездыханной груди, проверяя невидимые точки энергии.

— Тёмная ци полностью рассеялась, - установил он, и резким, но элегантным движением встряхнул кистью, словно избавляясь от грязи. — Теперь усопшего можно готовить к подобающим погребальным обрядам.

Ши Мэнъяо еще не успел отойти от постели, как Мо Юй внезапно вырвался из объятий Янь Шэнли.

— Пожалуйста, не оставляйте меня! - в отчаянии взмолился ребенок, позабыв о всяком почтении и страхе перед бессмертным. Он вцепился короткими пальцами в изумрудный шёлк, прижимая скомканную драгоценную ткань к себе, словно это был последний спасательный канат в глубокой могильной яме. — Я не хочу побираться на улице... Моя мама умерла, а все слуги разбежались! Я остался совсем один... я... - мальчик сглотнул, его взгляд судорожно метался по полу, безуспешно ища ответ. — Я пропаду!

Вопреки ожиданиям, Ши Мэнъяо не оттолкнул ребенка. Его лицо оставалось невозмутимым, в отличие от заплаканного личика Мо Юя, выражающее только страх и беспокойство. А когда он поднял свои огромные, залитые слезами глаза - в них отразился размытый силуэт бессмертного, словно в ночной озерной глади.

— Прошу...

— Ты не будешь жить на улице. У тебя есть дом, оставленный отцом.

— Дом отнимут!

— Не отнимут, - возразил Ши Мэнъяо. — Я лично прослежу за этим. Ты наймешь слуг обратно на деньги Мо Хаожаня. Если монет не хватит, продашь вещи - за некоторые из них хорошо заплатят. Со временем продолжишь дело отца. Он был уважаемым человеком, поэтому сложностей у тебя не должно возникнуть. Тебе будут помогать. Я оповещу главу селения, чтобы нашел хороших учителей, которые бы научили тебя ремеслу. Будешь жить в достатке и ни в чем не нуждаться.

Мо Юй замолчал, а у Янь Шэнли тем временем душа в клочья разрывалась. Сердце кричало: «Ты не можешь его оставить! Вдруг он не справится, вдруг умрет? Это будет по твоей вине, ты ему не помог, не спас его! Отец умер из-за тебя, и этот мальчик пропадет тоже по твоей вине!». Но разум холодно твердил обратное: «Куда ты его возьмешь, Янь Шэнли? Сам-то чужое тело носишь, как маскарадный костюм. Неизвестно, что будет, когда вы вернетесь в орден. За свою шкуру поручиться не можешь, а за чужую жизнь – и подавно.»

— Возьмите меня слугой! – внезапно воскликнул Мо Юй с неожиданно вспыхнувшей решимостью, и дернул ткань на себя. — Я буду подметать двор, носить воду, чистить вашу одежду! Только... только не оставляйте меня одного...

Ши Мэньяо мягко высвободил полу своего ханьфу, за которую, казалось, все так любили цепляться в минуты отчаяния. Молчание затянулось, но вскоре заклинатель обернулся к своему ученику:

— Лао Гун, найди белое полотно. Новое, если есть. И воду для омовения.

Подросток молча кивнул и вышел, бросив на Мо Юя последний колкий взгляд. Ши Мэньяо же снова склонился к мальчику:

— По обычаю, тело должно оставаться дома три дня, прежде чем его предадут земле, но ждать мы столько не сможем. К тому же... твой отец был осквернен, поэтому его запах может привлечь бродячих злых духов. Чтобы этого не произошло, нам нужно совершить погребение до рассвета. Тебя это устроит?

Мо Юй молча кивнул, сжав кулачки.

И тогда заклинатель обратился к Янь Шэнли, все еще сидящему на полу и с печалью следившему за ребенком, словно ждал, что тот вновь вернется в его теплые объятия за поддержкой.

— Шици, найди медную монету с квадратным отверстием. Перевозчику душ нужно дать плату.

В ту ночь похороны Мо Хаожаня были стремительны, как и требовали того обстоятельства. Ши Мэньяо не отходил от тела, и лишь когда требовалось очистить дом от остатков скверны, у ложа оставались Янь Шэнли с Мо Юем, сидящие вплотную друг к другу. Комната, заставленная множеством свечей и масляных ламп, чей свет должен был отогнать злых духов и указать путь душе, отбрасывала на стены дрожащие тени.

В медном зеркале, положенном рядом с покойным, отражались языки пламени и чья-то нечеткая темная тень, возможно, и правда злой дух. Янь Шэнли время от времени бросал на него взгляд, но затем быстро отводил. Нельзя было подолгу смотреть в зеркало – дурная примета. Но почему-то от этой тени ему становилось как-то крайне не по себе.

«Жуть», - думал он про себя, сжимая в своей руке ручку Мо Юя.

Когда Лао Гун вернулся со всем необходимым, Мо Юй вскочил с кровати:

— Я сам хочу омыть отца, - тихо, но упрямо проговорил ребенок, глядя на приготовленную для омовения воду.

— Нельзя, - раздался твердый, но нерезкий голос заклинателя. Он стоял в дверях, и его силуэт четко вырисовывался на фоне освещенного коридора. — Ты еще слишком мал, чтобы нести всю тяжесть этих ритуалов.

Заклинатель сделал паузу, его прищуренные глаза медленно скользнули по комнате, по мебели, по лицу мертвого лекаря, а затем вновь вернулись к мальчику.

— Но ты будешь держать свечу.

Мо Юй поднял глаза на Янь Шэнли в немом вопросе. Тот ответил едва заметным кивком. Все было верно - даже после смерти сыну не пристало видеть обнаженное тело родителя. Когда обряд очищения завершился, тело облачили в простые, но чистые белые одежды. Лао Гун молча подал Янь Шэнли квадрат ткани желтого цвета, и тот без лишней суеты накрыл ей лицо Мо Хаожаня.

— Цвет императора, - тихо пояснил Янь Шэнли, заметив замешательство Мо Юя. — Чтобы злые духи приняли его за важную персону и не смели тревожить.

Голос Ши Мэнъяо лился под сводами комнаты, сливаясь с тихим потрескиванием свечей. Его сапфировые глаза были прикрыты, а губы шептали священные тексты. Каждое слово сих было жемчужиной, нанизанной на невидимую нить между мирами.

«Превращения невидимого бесконечны.

Дао - глубочайшие врата рождения.

Глубочайшие врата рождения - корень неба и земли.

Существует подобно нескончаемой нити, и его действие неисчерпаемо.»

Янь Шэнли не сводил своего внимания с Мо Юя, что держал свечу. Пламя колыхалось от его прерывистого дыхания, отбрасывая трепетные тени на бледное личико. Эта свеча была теперь его единственной и самой важной задачей. Пламя не должно было затухнуть до конца ритуала.

— Ты не останешься один, — прошептал парень так тихо, что слова почти потонули в спокойном голосе Ши Мэнъяо. Но ребёнок уловил их и едва заметно кивнул.

«Пусть душа Мо Хаожаня, освобождаясь от брэнной оболочки,

Не ведаёт страха пред ликом мрачных стражей.

Да расступятся пред нею железные стены,

Да обратятся в росу огненное пламя,

Да распустятся лотосы в ледяной реке Забвения.

Силою Священного Имени и чтением этого писания,

Да будут разрушены все кармические узлы.

Да освободится она от долгов перед тремя мирами,

Да очистится от пыли шести путей перерождений»

Тело перенесли на простые бамбуковые носилки, чтобы душа не привязалась к дому. Да и гроб подготавливать было некогда, всё делалось на скорую руку под грузом ускользающего времени. До рассвета оставались считанные часы. Ши Мэнъяо вложил в руку покойного медную монету. Она была платой перевозчику через реку забвения, иначе душе не принять от Мэн По чашу из священных вод, что протекают между царством живых и царством мертвых, и будет она обречена на вечное скитание у берегов сих.

Лао Гун установил у входа временную табличку линвэйместо души (табличка с именем умершего), где черной тушью было выведено новое, посмертное имя. Янь Шэнли скользнул по иероглифам, сразу же обнаруживая ошибку в их порядке. Но говорить ничего не стал, лишь устало вздохнул.

Перед тем как тронуться в путь, к месту погребения, заклинатель зажег тонкую палочку благовоний. Дымок сандала поднялся в холодный ночной воздух ровной спиралью, что было хорошим знаком. Янь Шэнли глубоко втянул знакомый аромат, вспоминая как частенько после смерти отца ходил в храм, чтобы вознести молитвы о здоровье тетушки и дядюшки, и о своем собственном, таком неясном будущем.

Шествие двинулось окольными путями, лишнее внимание сейчас им было незачем. Ши Мэнъяо шел впереди с горящей свечой, пламя которой колыхалось, но не гасло, озаряя путь. За ним несли носилки Лао Гун и Янь Шэнли, а замыкал скорбную процессию маленький Мо Юй,

закутанный в чей-то темный плащ и безуспешно пытавшийся заглушить тихие всхлипы. Могилу выкопали на небольшом холме, в стороне от жилых домов, но в пределах видимости, как того требовала традиция.

Когда тело окончательно скрылось в сырой земле, Ши Мэньяо первым бросил горсть почвы, и та с глухим звуком отозвалась в ночи. Янь Шэнли мягко подтолкнул Мо Юя вперед. Мальчик, зажмурившись, бросил в могилу белую розу и красного деревянного петушка – вещи, бывшие сокровищами его отца при жизни.

Белую розу они выращивали на заднем дворе, жена Мо Хаожаня очень уж любила их слабый, но приятный аромат, а красный петушок был подарен покойным дедом Мо Юя, когда лекарь Мо был мал. Это единственная вещь, которая осталась у Мо Хаожаня от родителей.

Слезы потекли по щекам мальчика с новой силой. И он, не в силах более стоять, прижался к Янь Шэнли, сотрясаясь от рыданий, глотая все новые и новые приступы.

— Да будет твоя дорога легка.

Голос заклинателя был единственным звуком, кроме шелеста листьев на ветру и сдавленных всхлипов ребенка. Янь Шэнли смотрел на это и чувствовал, как в глотке встает горький ком, а во рту пересыхает. Память любезно подбросила ему обрывки: лицо отца, его смерть, свое одиночество... и теперь этот мальчик повторяет его же судьбу. Мир в этот миг показался дьявольской каруселью, где одни и те же трагедии бесконечно крутятся под жутковатые строчки:

Рассыпались далекие звёзды, равнодушно следящие свысока,

А над каждой могилой, хранящие забытые истории и сны,

Стискивается пустота, что гложет изнутри,

Словом «прощай» разрывая душу,

Вечность длится, словно ад, в горло холодным металлом впиваясь,

Её безмолвный приговор судьбы неотвратимой,

Тишина лишь осталась, где некогда живое сердце потонуло скорбью во тьме.

Ши Мэньяо воткнул в изголовье могилы простой деревянный колышек, обернутый белой тканью – временный знак для блуждающей души и указатель для живых. Перед уходом он достал из своего рукава несколько листов ритуальных денег и поджег их.

Лао Гун не смог сдержать удивление. Откуда у шифу при себе чжицянь? Неужели он постоянно носит их с собой, как будто всегда готов к чьим-то похоронам? Эта мысль была одновременно и странной, и тревожной.

По едва заметному кивку учителя адепт опустился на колени, оставив у края могилы скромное подношение: грубую глиняную чашу с холодной водой и горсть сырого риса. Простую пищу для души, чтобы подкрепить её на первые, самые трудные дни странствия в ином мире.

Мо Юй, подойдя к свежему холмику, бессильно упал на колени и замер, исчерпав за ночь все слезы.

— Шифу, - тихо произнёс Лао Гун.

Ши Мэньяо не отзывался. Его взгляд был прикован к могиле с таким знакомым личным горем, словно под землёй лежал родной по душе человек.

— Шифу, — настойчивее повторил Лао Гун, видя, что учитель погружён в себя. — Нам нужно идти. Демон ещё не пойман, и неизвестно, какие козни он строит, пока мы находимся здесь.

<http://bllate.org/book/17378/1629815>